

«Мои родители – Толстой и Достоевский»

Беседа с писателем Алексеем Макушинским

Алексей Макушинский – сын писателей Анатолия Рыбакова и Натальи Давыдовой. В качестве псевдонима взял фамилию бабушки по материнской линии Елизаветы Иродионовны Макушинской. В 1983 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького, занимался художественными переводами с немецкого и английского языков. В 1985–1994 гг. работал над романом «Макс», изданным в Москве в 1998 г.

С 1992 г. живет в Германии. В 2000–2008 гг. – сотрудник кафедры восточноевропейской истории Католического университета Айхштетт-Ингольштадт, с апреля 2010 г. – доцент Института славистики Университета Майнца. Член редколлегии немецкого журнала *Forum für osteuropäische Idee- und Zeitgeschichte* и его русской сетевой версии «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры».

В 1999 г. в Католическом университете защитил диссертацию по теме «Немецкая и русская литература на пороге современности: „Годы учения Вильгельма Мейстера“ Гёте и пушкинский „Евгений Онегин“».

Автор романов «Макс» (1998), «Город в долине» (2012; премия «Глобус» журнала «Знамя») и Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино), «Пароход в Аргентину» (2014; Русская премия), «Остановленный мир» (2018), «Один человек» (2021), «Димитрий» (2023), книги историко-философской прозы «Предместья мысли. Философическая прогулка» (2020; приз читательских симпатий премии «Большая книга»), сборника эссе «У пирамиды» (2011), поэтических сборников «Свет за деревьями» (2007), «Море, сегодня» (2011). Публиковался как прозаик, поэт, эссеист и литературовед в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Вопросы философии», «Дети Ра», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Звезда», «Знамя», «Интерпоэзия», «Креатик» и др.

Сегодня Алексей Макушинский – гость «Еврейской панорамы».

– Уважаемый Алексей, я брал у вас интервью 10 лет назад. Какие важные события произошли у вас за это время?

– С тех пор я написал важные для меня книги. Тогда, когда мы с вами разговаривали, из прозы был только роман «Макс», написанный давным-давно, и еще из новой прозы – роман «Город в долине». А как раз в тот момент, когда мы разговаривали, я, по-моему, дописывал «Проход в Аргентину» – книгу, которая имела некоторый резонанс в России. И потом я написал еще роман «Остановленный мир» (я его писал четырех лет), книгу «Предместья мысли. Философическая прогулка», затем – роман «Один человек» и сейчас закончил роман «Димитрий», он вышел не так давно. Это все-таки, думаю, много за такой промежуток времени. Я продолжаю жить в Висбадене и работать в Майнце, у меня уже скоро будет пенсия. Но я по-прежнему не люблю эти места и мечтаю отсюда уехать, однако вынужден здесь жить, потому что дер-

жит работа. Мы все пережили пандемию, и как паз в пандемию здесь было не плохо, потому что тут – лес рядом, все доступно.

– У вас есть какие-то конкретные планы на будущее либо это пока просто мечты?

– У меня есть, конечно, какие-то планы, но я пока не буду о них говорить. Когда я закончу преподавание, я здесь не останусь.

– Если заглянуть в «Википедию», то там написано, что Алексей Макушинский – русский прозаик, поэт, эссеист и литературовед. Вы выступаете в разных ипостасях, но вы себя считаете писателем или нельзя всё «разложить по полочкам»?

– Вообще для меня проблемы самоидентификации, можно сказать, не существует. Мне все равно, кем меня называют. В этом смысле я согласен с Сартром, что «существование предшествует сущности»: сначала мы существуем, а потом уже существуем в качестве кого-то. Но тот факт, что мы вообще существуем, важнее, глубже и т. д., то есть сначала – экзистенция, потом – эссенция. Если все-таки позволить себе говорить о каких-то сущностях или о каких-то идентичностях, то для меня моей идентичности так называемого «литературоведа» просто не существует. Я вообще не люблю это слово, я бы скорее сказал «историк литературы». И я преподаю историю литературы, и не только литературу – русскую «историю идей», как это называют в Германии, отчасти – историю русской философии, и это я делаю, как мне кажется, не плохо. Но «эпоха», когда мне ради существования в академическом мире нужно было писать какие-то статьи, слава богу, закончилась. Для меня это большое счастье, потому как преподавание хотя и утомляет, но, в отличие от писания статей, оно не забирает ту важнейшую энергию, которая нужна для настоящего писания.

– Теперь мы переходим к вашей родословной, потому что всегда важно понять, откуда ты, какие у тебя корни и т. д. Я хотел бы, чтобы вы рассказали историю вашей семьи, хотя бы до уровня дедушек и бабушек.

– Честно говоря, я не знаю, насколько это важно. Я всегда считаю, что родители человека – самое случайное обстоятельство в его жизни, потому что человек очень часто совсем не похож на своих родителей. Но... какие-то родители у него, конечно, должны быть. Другой мой любимый ответ на этот вопрос состоит в том, что мои родители – это Толстой и Достоевский (смеется). Вот это важно, и это – моя родословная. Тем не менее есть отцовская линия, есть материнская, и я гораздо лучше знаю материнскую линию. В письме Марине Цветаевой Райнеру Марии Рильке есть замечательная

Алексей Макушинский

фраза, которая относится прямо ко мне: «Вы – сын по материнской линии, и это лучшее, что может сделать мужчина».

Что можно сказать о моей семье? Мои родители были советскими писателями. Советскими, я подчеркиваю это слово, но меня с этим мало что связывает. Я не имею к этому никакого отношения. Моя мама писала под псевдонимом Наталья Давыдова, хотя ее настоящим именем было Майя, и ее мама – Елизавета Родионовна Макушинская – была моей любимой бабушкой. Она – единственная, кого я вообще знал из своих бабушек и дедушек, и я взял ее фамилию как свой литературный псевдоним. Она была замечательной женщиной, все они жили в Ленинграде, это ленинградская (петербургская) семья. Я очень хорошо знаю историю ее брата, отсидевшего 10 лет в ГУЛАГе. Представляю себе судьбу ее родителей, моих прадедушки и прабабушки.

Они были мелкие дворяне Полтавской губернии, так что у меня есть какая-то связь с Украиной. Ее мама, соответственно, моя прабабушка, была урожденная Герчуновская – крещеная еврейка, видимо утратившая связи с еврейским миром, а по линии Макушинских мой прадедушка был героем Шипки и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он влез на какую-то горку и получил медаль за взятие Шипки, потом работал, как часто в то время бывало, на железной дороге и умер в 1911 г., еще до революции. У него было две жены, и они были родственницы между собой. Я вообще очень хорошо знаю эту историю, потому что у меня есть семейный архив, я об этом еще собираюсь написать. Они были связаны с довольно знатной дворянской семьей Глотовых. Одна сестра, дочь адмирала Глотова, была первой женой моего

прадедушки, а другая сестра вышла замуж за еврейского врача по фамилии Эйхенбаум, от которого родила двух детей: Бориса Михайловича Эйхенбаума – известного литературоведа, одного из создателей формального метода в литературоведении – и Всеволода Михайловича Эйхенбаума, который ушел в революцию и взял себе псевдоним Всеволод Волин. Он был ближайшим другом, соратником и идеологом батьки Махно, то есть анархистом, что, конечно, приводит меня в искалечительный воссторг. В каком-то смысле я тоже анархист. Я этим Всеволодом Волиным довольно много занимался, у меня есть его книги, которые он написал уже в эмиграции. Он жил до революции в эмиграции, потом поучаствовал в революции вместе с батькой Махно, потом посидел

в Бутырской тюрьме, потом в 1922 г. Ленин его отпустил, и он снова отправился во Францию. Там Волин написал замечательные книги. Одна из них у меня есть – огромный том, он называется «Неизвестная революция». Это история русской революции с точки зрения анархизма.

– Теперь мы переходим ко второму нелюбимому вами вопросу: о еврействе, самоидентификации и антисемитизме. Накануне нашей беседы вы мне сказали, что, в принципе, не считаете себя настоящим евреем, но были случаи, когда вы сталкивались с проявлениями антисемитизма, хотя вы точно не уверены, что это связано именно с национальностью.

– Иногда вы не знаете, почему к вам плохо относятся. Здесь, в Германии, вы тоже не знаете: вы несимпатичны человеку, потому что вы сами по себе ему неприятны, или потому что вы иностранец, или потому, что он узнает, что вы еврей. Вы этого не знаете, он же не говорит, но вы просто видите его плохое отношение. В детстве... ну вот, помню, у меня был какой-то конфликт с местными ребятами на даче – с подмосковной шпаной, так сказать. И на заборе вдруг появилась надпись мелом «жид». Эту надпись стерли, и на этом дело, как говорится, закончилась. Ну это, пожалуй, единственное, что я, по большому счету, могу вспомнить. Я, слава богу, мало сталкивался с антисемитизмом впрямую, но, конечно, каждый раз, когда я вижу антисемитизм даже не по отношению ко мне, а вообще в какой бы то ни было форме, тут я – тысячепроцентный еврей, и не о чем даже говорить. Я сразу становлюсь евреем просто из чувства протеста.

– Но хотя бы на подсознательном уровне вы ощущаете «зов крови»?

– Да. Я слушаю, например, еврейскую музыку – и во мне, конечно, что-то оживает, просыпается.

– Вы живете в Германии с 1992 г., так что еще застали распад СССР. Как вы это воспринимали тогда и как сейчас, уже задним числом, переосмысливаете? Насколько это для вас было неожиданностью, либо распад Советского Союза – закономерный момент в истории?

– Это на разных фазах, наверное, было неодинаково. Когда началась перестройка, никто особенно не верил в то, что она вообще приведет к распаду системы. Это продолжалось довольно долго – до конца 1980-х. Потом система стала разваливаться, и сначала, конечно, это воспринималось как что-то очень позитивное. Открываются границы, печатаются книги, вообще свобода и т. д. Меня это впрямую не очень коснулось, потому что я вырос в привилегированном положении, на сам- и тамиздате. Я всё знал, то есть хотя не мог никуда поехать, но всё же мир был достаточно открыт, в моей жизни присутствовало очень много иностранцев. И потом, когда был первый путч и рухнул Советский Союз, я переживал это как освобождение, как падение тоталитарной системы. То, что Путин, будь он проклят, называет «величайшей геополитической катастрофой», на самом деле являлось величайшим актом освобождения и падения этой тюрьмы. Но другое дело, что лично у меня, в отличие от большинства моих, условно говоря, либеральных теперешних знакомых (не люблю эти ярлыки, скажем – людей оппозиционных), никаких иллюзий не было. Я не думал, что это – действительное преображение страны и что она сейчас пойдет в какое-то светлое будущее свободы, правопорядка, либеральных ценностей, всего того, что мы любим. Я видел, что это не так, что власть захватил какой-то второй эшелон номенклатуры, что идет грабеж населения, идет сращение власти с криминалом. Всё это вызывало у меня чувство большого недоверия к происходящему, я очень не доверял Ельцину с самого начала, хотя, конечно, теперь Ельцин по сравнению с Путиным – просто какой-то архангел, но всё равно у меня к нему было сложное отношение. Я не понимал и недооценивал Горбачёва, в этом я раскаиваюсь. Я не понял, до какой степени так называемый второй путч 1993-го был роковым событием, уничтожившим возможности дальнейшей свободы и наделившим президента такими полномочиями и такой властью, которые фактически сделали его самодержцем. Это, надо сказать, хорошо понимал мой отец с его гораздо большим политическим опытом. Я же этого не понимал, как и большинство людей моего круга этого тогда, наверное, не понимали. Впрочем, я уже был в Германии и видел это по телевизору, но во многом я могу себя упрекнуть, хотя, вместе с тем, никаких иллюзий по поводу путча у меня не было, как и иллюзий по поводу Путина. Ни одной секунды!

– Уже многие годы в России существует огромная ностальгия по Советскому Союзу. Она по-разному проявляется, но, как вы думаете, чем вызвана такая ностальгия «кривого зеркала», когда всё вспоминают почему-

то только в радужных тонах, а всё плохое забывают? Это, естественно, «подпитывается» сверху, однако, вероятно, и снизу есть большой запрос на «Back in USSR»?

– Я тоже об этом много думаю, но, боюсь, на этот вопрос нет ни одного ответа. Ностальгия, действительно, сильно «подпитана» сверху, что всячески развивалось еще с 1990-х, с пресловутых «Песен о главном» и т. д. Эта пропаганда заметно влияет на умонастроения широких масс. Если бы все эти годы людям каждый день рассказывали о «прелестях» ГУЛАГа, насилия коллективизации, голода и прочих преступлений советской власти, то ностальгия по «совку» была бы, конечно, гораздо меньше. Но им рассказывали чудную историю про то, как мы все вместе победили фашизм, какое было братство и т. п. Если бы им рассказывали всю правду о Второй мировой войне и об участии Советского Союза в ней первые два года на стороне Гитлера и о том, ценой каких жертв и преступлений против собственного народа была выиграна эта война, и об огромной роли союзников в ней, то тоже не было бы никакого «победобесия» и всего этого безумия. Здесь, конечно, огромную роль сыграла пропаганда. Это, как мне кажется, самый важный фактор – непроработанность прошлого и отсутствие реального рассказа о нем. К сожалению, дело не в том, какие есть книги. Книги есть, но кто их читает? А дело в том, что показывают по телевидению и какие снимают сериалы. Я иногда смотрел российские сериалы, их «поэтика», если это можно так назвать, часто идет от фильма «Место встречи изменить нельзя». Он как бы задал интонацию. Но в этих сериалах, снятых уже в постсоветское время, я всё время вижу нарратив: да, вот тут и там было немножко плохо, но в общем мы жили дружной семьей. И главное – там всё время появляется какой-то хороший кагэбэшник. Может быть, система была не очень, но в ней были хорошие люди, которые часто служили в КГБ. И это всё очень сильно работало, хотя есть и другие факторы. Людям свойственно идеализировать свою молодость, тосковать по юности и думать, как было тогда хорошо. Вот мы ездили в стройотряд, пели песни у костра, а что там было на самом деле, никто непомнит. Так было хорошо и весело... И, кроме того, многие люди правда чувствовали себя гражданами Советского Союза. Мне это трудно понять, потому что я детства был яростным антисоветчиком, таким уж родился, даже сам не знаю почему, и я никогда не отождествлял себя с этой страной и системой, но я вижу, что миллионы людей действительно отождествляли себя с ней. Для них это травма утраты «их» страны... Которая ведь и вправду погибла – и вот теперь пытается воскреснуть. Очень хотелось бы верить, что она еще немного подергается и потом умрет уже окончательно.

– Вы уже много лет живете в ФРГ. Этот переезд был больше связан с работой либо можно говорить о настоящей эмиграции?

– У меня это было постепенно. Сначала я получил стипендию в Католическом университете

Айхштетта. Это один из лучших университетов Германии. Я там довольно долго писал некую диссертацию и никак не мог дописать. Диссертация – это такая вещь, которую нельзя дописать по определению (улыбается). В итоге я ее все-таки написал и получил там первую работу в качестве ассистента на кафедре восточноевропейской истории. У меня интересная академическая биография: я защитил диссертацию по германистике, потом долго был ассистентом на кафедре восточноевропейской истории, а затем с 2010 г. работал и работаю в Институте славистики. «Куда партия пошлет, туда я и иду», как герой соцреалистического романа, который по заданию партии где-то поднимает сельское хозяйство, а где-то – театр.

– За последние десятилетия интерес к русскому языку в Германии значительно снизился. С чем, по вашему, это связано?

– Я думаю, что это связано с несколькими факторами. Действительно упал интерес к России, популярность России и всего русского за эти годы очень сильно убавилась. Она была на пике во время Горбачёва, в эпоху горбимании. Но политический интерес был еще и до того – к другой системе, великому эксперименту и т. д. Это еще как-то сохранялось. Потом всё упало, но постепенно появилось огромное поколение людей, приехавших сюда в 1990-е и 2000-е еще детьми или родившихся уже здесь. Они часто шли изучать славистику, потому что они знали русский язык и могли быстро получить документ о высшем образовании. Но сейчас это просто заканчивается демографически. Это поколение отучилось, таких людей становится всё меньше.

– А среди коренных немцев был ли и есть интерес к русскому языку?

– Среди коренных немцев интерес был и есть, и он до сих пор существует, но этих людей не много. Каждый такой студент – это подарок, потому что они идут действительно из интереса, и им очень трудно учиться. Сначала им надо учить русский язык, и им трудно выдержать конкуренцию с русскоязычными студентами. Или псевдо-русскоязычными, которые часто владеют языком на примитивном бытовом уровне, но не умеют толком писать и читать или говорить о серьезных вещах. Несколько лет назад во Франкфурте закрыли кафедру славистики, причем там ужасно поступили с книгами, просто выбросили их на помойку. В Марбурге и Гиссене объединили две кафедры в одну. В Рейнланд-Пфальце, где я живу, есть два института славистики. Один находится в Трире, другой – в Майнце, и пока они существуют, но что будет дальше, я не знаю.

– Я бы хотел затронуть тему «культуры отмены» в контексте войны между Россией и Украиной. Что вы думаете по этому поводу?

– Да нет никакой «культуры отмены», по крайней мере по отношению к России. Если человек себя не скомпрометировал, у него есть возможность приехать и выступать здесь, проблем никаких нет. Проблема у него может быть только с его коллегами из Украины, что понятно. Но проблем нет ни с немецкими, ни, скажем, с французскими устроителями концертов, с театрами и так далее. Если человек не под-

держивал Путина и его политику, то всё в порядке. Смешно даже об этом говорить. Пресловутая русская культура прекрасно существует, никуда она не делась, исполняются произведения русских композиторов, в театрах идут русские пьесы, в переводах выходят русские книги. В Европе в большинстве своем живут разумные люди, они прекрасно могут отличить русскую культуру от политики Путина.

– А насколько вообще художник в широком смысле этого слова привязан к родине? Может ли он существовать вне ее, особенно сейчас, когда мир стал более глобальным?

– Это индивидуально. Очевидно, есть писатели, которым нужна стихия родного языка, и, наоборот, есть писатели, для которых стихия родного языка даже вредна, поэтому они всю жизнь живут где-нибудь в другом месте. Например, Райнер Мария Рильке, который до Первой мировой войны жил в основном во Франции, а после войны – во Французской Швейцарии. Он родился в Праге в немецкой семье, но почти никогда не жил в Германии, и тем более – в Австрии. Такой писатель, как я, должен жить в Париже. Я там был относительно недавно, сейчас вот вернулся в Германию, а любое возвращение из Парижа я воспринимаю как изгнание. Это изгнание для меня гораздо более мучительно, чем изгнание из России.

– У вас недавно вышел роман «Димитрий». Я знаю, что этому предшествовали определенные обстоятельства...

– Фрагменты романа вышли в журнале «Знамя» в Москве. Я считаю, что этот журнал ничем себя не скомпрометировал, а вот со многими российскими издательствами я не готов работать, потому что они издают т. н. Z-литературу. Сейчас в эмиграции или, как говорят, в релокации возникло очень важное издательство под названием Freedom Letters. Оно зарегистрировано в США, но его книги фактически выходят по всему миру. Его организовал замечательный человек, журналист и литературный деятель Георгий Урушадзе – в прошлом координатор премии «Большая книга». Там издали уже много разных книг русских и украинских авторов, которые не могут или не хотят печататься в России. Я очень рад и горд тем, что в этом издательстве сразу взяли мой роман. Он напрямую не связан с событиями, которые происходят сейчас, но внутренне и глубинно «Димитрий» как раз очень связан с этими событиями, вообще с русской историей.

– Насколько вам как писателю важно мнение профессиональных критиков либо всё-таки оно второстепенно, а главное – любовь читателей?

– Профессиональной критики почти нет, ее очень мало и становится всё меньше. Я имею в виду людей, которые реально глубоко вчитываются в книгу, понимают ее, находят время для этого. Такие критики, конечно, есть, но их можно пересчитать по пальцам. Мнение этих людей мне приятно, если оно хорошее, и неприятно, если оно плохое. Но, как говорила моя мама, «отрицательная рецензия – это гораздо лучше, чем никакой рецензии». Я никогда не ориентируюсь на критиков и всегда делаю так, как считаю нужным.

Беседовал Евгений КУДРЯЦ